Тихий дом

Автор:
Альбина Нури

Тихий дом

Альбина Нури

За пределом реальности

Молодая пара, трое подростков и пожилая женщина оказываются в старинном заброшенном здании, прозванном горожанами «Тихим домом». Прежде в усадьбе, которая сейчас считается зловещим, дурным местом, жил скандально известный художник Николай Валахов, потом была больница, но уже много лет здание пустует, а внутри царит странная пугающая тишина.

У каждого из пришедших сюда поздним вечером людей своя цель, но никто не был готов к тому, что случится с ними в проклятом доме. Проведенная там ночь изменит всё, останется лишь один вопрос: кто сумеет выжить?

Альбина Нури

Тихий дом

Часть первая

Дом собирает гостей

Артем

Трубку снова – уже в восьмой раз! – не сняли. Тоскливые длинные гудки текли и текли в ухо сплошным потоком, и звук этот разливался в груди ледяным холодом.

Часы над входом в зал показывали шесть двадцать шесть. До конца рабочего дня – чуть больше получаса, но сил ждать уже не осталось. Бросить бы все, пропади они пропадом – клиенты, документы, счета, продажи! Невозможно дольше оставаться здесь, сидеть, оставаясь в неведении, не понимая, где она, что с ней?

– Да ничего с ней особенного не происходит! В первый раз, что ли? Хватит дергаться!

Слова эти были настолько созвучны его мыслям, что поначалу Артем решил, будто слышит внутренний голос. И только потом сообразил: это же Егор сказал.

Артем, Егор и Света работали в отделе оптовых продаж компании «Мир инструментов». Сидели в выставочном зале, напротив входа, словно члены приемной комиссии, а покупатели бродили по залу, придирчиво приглядываясь к отверткам и электродрелям, покачивая головами, как дрессированные медведи.

Сейчас зал был пуст, а настроение, как сказала Света, чемоданное. Она уже достала косметичку, прихватила расческу и отправилась в туалет – приводить себя в порядок перед выходом на улицу. Вечером у нее намечалось свидание.

– Я не дергаюсь, – отозвался Артем. Вышло задиристо и вместе с тем жалобно. Он сам услышал это и рассердился – на себя, а заодно и на Егора.

– А то я не вижу, – не заметив его настроения, снисходительно усмехнулся тот. – Все телефоны оборвал, мессенджеры дымятся.

«Раньше с ней такого не было!» – хотел сказать Артем, но промолчал. Потому что было.

Дана запросто могла забыть о встрече, не перезвонить, не предупредить, уехать, не сказав, куда направляется. Она всегда была непредсказуема: Артем не мог ни разобраться в мотивах ее поступков, ни объяснить их, ни предугадать.

Считается, один из двоих всегда любит сильнее. Или даже так: кто-то любит, а кто-то позволяет любить себя. В их паре с Даной все предельно ясно, никаких вопросов. Но это не имело для Артема значения.

Почти не имело.

– Нельзя позволять женщине садиться тебе на шею, – глубокомысленно изрек Егор, и Артему внезапно захотелось ему врезать.

Видимо, эта мысль отразилась у него на лице, потому что Егор примирительно вскинул ладони и поспешно добавил:

– Извини, брат, ничего такого! Просто мнение.

Артем знал, что Егор не собирался его подкалывать. Такая уж натура: говорит, что думает, но разве это плохо?

– Проехали, – устало сказал он.

– Серьезно, Арчи, зря ты киснешь. Может, она телефон где-то забыла. Или на беззвучку поставила.

– Все может быть, – прохладно ответил Артем. На самом деле он так не думал.

Зазвонил колокольчик над дверью, на пороге возник покупатель. Егор устремился ему навстречу, бодро застрекотал о чем-то, убедительно изображая радушие. Артем, как ни старался, не мог вникнуть в смысл их разговора и только мысленно вознес хвалу Господу, что на свете есть Егор, поэтому ему не пришлось самому объясняться с клиентом.

Света вернулась в зал, одернула короткую юбку и уселась за стол, изящно скрестив длинные ноги. Достала из сумочки пузатый флакончик, подушилась и нетерпеливо поглядела на часы. Светочка была простовата и грубовата, если не сказать вульгарна, но обычно Артем относился к этому спокойно: главное, что работала быстро, запоминала все с лету.

Однако сегодня ее беглый вороватый взгляд, брошенный в сторону циферблата, накрашенные блестящей коралловой помадой губы, а особенно сладкий удушливый аромат, повисший в кондиционированном воздухе, разозлили Артема, и он поспешно отвернулся от Светы, чтобы не сорваться и не наговорить грубостей.

Механически, почти не отдавая себе отчета, вновь набрал номер Даны, уже не рассчитывая, что девушка ответит.

Но она в очередной раз сделала не то, чего он от нее ждал.

– Привет, – услышал он чуть хрипловатый голос.

От неожиданности Артем ответил резче и громче, чем собирался:

– Я сто раз звонил. Ты почему трубку не берешь?

Света покосилась в его сторону и приподняла тщательно прорисованные брови. Артем этого не заметил.

– Извини, Тёма, я… Я не могла говорить. Была в ванной. – Ее голос звучал непривычно – подавленно, вроде бы робко.

Он испугался:

– Что-то случилось?

– Да, – тихо проговорила Дана, и Артему показалось, что она сдерживается, чтобы не заплакать. – Они отказали. На этот раз все кончено.

«Слава богу, только в этом дело! А я уж подумал, что-то произошло!» – чуть не ляпнул Артем, но вовремя прикусил язык.

– Все-таки отказали? – сочувственно протянул он. – Почему ты не сказала, что все должно было решиться сегодня?

– Я говорила. Ты просто забыл.

Теперь в голосе Даны прозвучали нетерпение и недовольство. Артем знал наверняка, что ничего она ему не сказала, намеренно или случайно, но спорить не стал.

– Об этом даже в Интернете уже написали. Больше никакой надежды, – добавила она с ноткой враждебности, как будто Артем был виноват в произошедшем.

– Не говори так. Погоди, я сейчас приеду и… – начал он.

– Нет! – это прозвучало как вскрик. – Нет, не нужно, – уже спокойнее добавила Дана. – Я собираюсь выпить успокоительное или лучше снотворное, лечь пораньше. Мне нужно прийти в себя. Ты же понимаешь.

Артем понимал. Они поговорили еще пару минут и попрощались.

– Все окей, Арчи? Нашлась пропажа? – весело осведомился Егор, довольный, что спровадил дотошного клиента.

Артем кивнул, убрал телефон в карман и выключил компьютер. Ему удалось сохранить невозмутимый вид и даже отшутиться, когда Света прощебетала что-то вроде «милые бранятся».

Спустя десять минут он сидел в машине, нервно постукивая пальцами по рулю. Выйдя из офиса, Артем сорвал с шеи и зашвырнул на заднее сиденье галстук-шнурок, расстегнул верхние пуговицы на рубашке, достал платок и вытер влажный лоб.

Стоял июль, и, хотя синоптики обещали с вечера дождь, грозу и резкое похолодание, верилось в это с трудом. На небе – ни облачка. Правда, в воздухе ощущалась влажность, была страшная духота. Как многие полные люди, Артем плохо переносил жару. Он немедленно вспотел, по спине побежали противные струйки.

«Надо взяться за себя, сбросить пару килограммов», – подумал Артем, точно зная, что ничего предпринимать не будет. И что лишнего веса у него намного больше.

Кондиционер барахлил, а он так и не собрался заехать в сервис. Пришлось открыть окна, чтобы хоть как-то освежиться. По игровой площадке в парке на противоположной стороне улицы носились малыши, и детские голоса напоминали Артему пронзительные крики чаек.

За Светой заехал какой-то хлыщ на пижонской двухместной машине, и они умчались на поиски приключений. Егор, как обычно, отправился домой пешком: он жил в двух кварталах отсюда.

В то, что Дана будет паинькой, выпьет успокоительные пилюли и преспокойно уляжется в кроватку, Артем не поверил ни на секунду. Врать она не умела – просто потому, что не имела такой привычки и не практиковалась. Ей не нужно было: она могла позволить себе все – даже говорить неудобную правду.

На фоне их беседы Артем четко слышал уличный шум. Никакую ванну Дана не принимала, ее и дома-то не было, что бы она ни говорила. Артему казалось (точнее, он был уверен), что знает, где она сейчас. Или куда направляется. Он собирался пойти следом, хотя понятия не имел, что Дана намерена делать в этом проклятом доме, будь он неладен.

Она что-то замышляет и, разумеется, будет в ярости, когда увидит, что он собирается ей помешать. Дана не терпела, когда кто-то вмешивался в ее дела. Что ж, пускай. Артем всегда позволял девушке вести себя, как ей вздумается, но сейчас не собирался оставаться в стороне, не мог допустить, чтобы она вляпалась во что-то противозаконное. В конце концов, Дана – его будущая жена. У них скоро свадьба, через пару месяцев она будет носить его фамилию.

Артем повернул ключ зажигания, и автомобиль мягко тронулся с места.

Костя

Идея пойти в Тихий дом, как и почти все удачные идеи, принадлежала Аделю. А они с Марго, как обычно, с восторгом ее поддержали.

Хотя на этот раз никакого восторга у Кости не было. Он не разделял страсти Аделя к заброшкам – опустевшим, покинутым людьми сооружениям, не видел ничего интересного в том, чтобы таскаться по мертвым, безлюдным заводам, складам и домам, где никто не жил, лазить по пыльным чердакам, заглядывать в вонючие сырые подвалы.

А уж туда, куда Аделя понесло в этот вечер, и вовсе идти не хотелось.

Но во взгляде Марго читалось такое неприкрытое обожание, что ему пришлось изобразить энтузиазм. Не отпускать же их одних!

– Круто, – через силу произнес Костя.

– Что с собой взять? – спросила Марго.

Она густо подводила большие голубые глаза черным карандашом, и от этого они казались почти прозрачными, хрустальными. Ассиметричная стрижка, которую Марго недавно сделала, безжалостно обрезав густые каштановые волосы, делала ее нежное лицо взрослее, строже, но вместе с тем придавала облику ранимость, беззащитность.

Сердце Кости кувыркнулось в районе горла. Нет, конечно же, он не влюблен в Марго! Может, лишь чуточку. Но это точно не на всю жизнь.

Костя отвел глаза и услышал, как Адель небрежно бросил:

– Себя не забудь.

Друзья сидели на лавке в школьном дворе и потягивали энергетик. Адель предложил выпить пива, но потом отмел эту мысль, заявив, что вечером нужна свежая голова.

Они с Аделем дружили с детского сада. Все кругом удивлялись, что могло свести их вместе: впечатлительного отличника Костю Барышникова и заводилу-хулигана Аделя Амирова. Однако чужое мнение ребят не волновало.

– Туда еще никто из наших не ходил, – возбужденно сказал Адель. – Никто, ясно? Это будет бомба, отвечаю! Миллион просмотров!

Под «нашими» Адель подразумевал таких же помешанных на полуразрушенных брошенных зданиях ребят, которые называли себя диггерами или сталкерами. Они постоянно общались, в основном на форумах и в соцсетях, делились видео, фотографиями и впечатлениями.

Недавно Адель создал канал на YouTube, куда выкладывал видео своих походов по заброшкам. Костя, который время от времени ходил с другом, внимательно следил за тем, чтобы ненароком не попасть в кадр. Если мать узнает, где он бывает, поднимет вой.

К великому сожалению Аделя, снятые им здания были вдоль и поперек исхожены другими диггерами, поэтому популярностью его канал не пользовался. Просмотров было мало, подписчиков и того меньше. Костя знал, что друг буквально бредит идеей снять нечто особенное.

И вот теперь Адель полагал, что нашел такой объект.

Костя, как и многие жители Казани, знал об этом месте. В народе усадьбу, принадлежавшую до Октябрьской революции Николаю Валахову, называли «Тихим домом». Наверное, из-за расположения: дом стоял на высоком холме, посреди огромного парка, и, несмотря на то, что географически это был центр Казани, городской шум сюда не долетал.

Прежде весь парк был частью усадьбы, сейчас же большой кусок его превратили в зону отдыха, понаставили лавочек, качелей, дурацких гипсовых скульптур и фонтанов. На огороженную территорию, примыкавшую к усадьбе, никому ходу не было.

Последние лет десять или около того здание пустовало. По поводу него шли дебаты: городские власти продали дом какому-то богачу, а тот вздумал снести дом Валахова, чтобы построить не то ресторан, не то гостиницу. Деятели культуры возмущались и заявляли, что это объект исторического наследия, который нужно реставрировать и охранять.

– Почему туда раньше никто из сталкеров не ходил? – спросила Марго.

– Наверное, из-за охранников, – неопределенно ответил Адель.

Костя полагал, что дело совсем в другом, но, разумеется, промолчал.

Марго тоже не стала уточнять, переспрашивать. Она ушла домой: матери пора было на работу, а значит, ей нужно вернуться к шести. Работала мать в ресторане, и когда трудилась во вторую смену, настаивала, чтобы дочь к ее уходу была дома.

– Как будто я не могу смотаться хоть на всю ночь, когда она свалит! – закатывала глаза Марго.

Однако же никогда не «сматывалась». Костик подозревал, что в глубине души она была дисциплинированней, чем хотела казаться, и гораздо больше похожа на него самого, нежели на бунтаря Аделя. Впрочем, сегодня Марго собиралась проводить мать, а потом потихоньку уйти.

Аделя никто никогда не контролировал, он делал что хотел. За Костей приглядывали, да еще как, но на выходные родители уехали на дачу, поэтому он был свободен.

– Никого в дом не приводи и чтобы не позже девяти вернулся! Не дай бог приеду и увижу, что ты притон устроил – пеняй на себя! – Мать говорила сердито, будто сын уже проштрафился. Суровая и гневливая, она старалась держать Костю в строгости, хотя он не делал ничего, что могло бы заставить ее не доверять ему.

Отец, ничего не говоря, стоял за спиной матери. Костя подсознательно ощущал, что ему неловко за ее слова, что его строгий непроницаемый вид – сплошное актерство. Просто отцу кто-то когда-то внушил, что родители должны выступать в вопросах воспитания единым фронтом, потому он и не поддерживал Костю. Только разве семейная жизнь – это война? Может, если бы отец хоть раз вмешался, одернул мать, принял сторону сына, они смогли бы стать ближе друг к другу, как это было давно, когда Костя был маленьким.

– Чего тебе приспичило пойти в Тихий дом именно сейчас? – спросил Костя, когда они остались одни.

– Не откладывай на завтра то, что хочется сделать сегодня, – отшутился Адель.

Некоторое время они сидели молча, думая каждый о своем. В этом и состоит отличие настоящей дружбы от приятельства: можно молчать, не испытывая неловкости.

На квадратных школьных клумбах цвели нарядные бархатцы. Пустой и притихший двор выглядел покинутым и забытым, как это всегда бывает во время каникул, и сам Костя показался себе таким же брошенным, никому не нужным.

– Она тебе очень нравится? – неожиданно для себя спросил он. Дыхание сбилось, сердце заколотилось так, что Костя был вынужден напомнить самому себе: неважно, что скажет друг! Пусть Марго с Аделем хоть поженятся – ему-то какая разница!

– Кто? Марго? – зачем-то уточнил Адель.

Косте показалось, что щеки его слегка порозовели. Хотя, возможно, это был просто отсвет закатного солнца.

– Угу, – качнул он головой.

– Не знаю, не думал, – сказал Адель, отвернувшись в сторону, и Косте сразу стало ясно: думал как миленький. – А тебе, значит, нравится?

Адель быстро переходил в атаку, заставляя другого оправдываться. Костя не умел реагировать и отвечать, как Адель, но глухая тоска, которая охватила его, придала злости, поэтому он огрызнулся:

– Я при чем? Твоя девушка!

Адель повернул голову и пристально посмотрел на друга. Судя по всему, увиденное его удовлетворило, потому что он не стал больше играть в словесный пинг-понг и проговорил:

– Раньше думал, да. А теперь не знаю.

Марго училась в параллельном классе, встречаться с Аделем они начали в марте.

– Что так? – спросил Костя и вдруг с удивлением осознал, что прежде Адель проводил с Марго наедине почти все время, а теперь они все чаще оказывались втроем, словно общество девушки стало его тяготить. Марго никогда не выказывала неудовольствия, не фыркала, увидев Костю, не давала понять, что он третий лишний. Вроде бы принимала его присутствие как должное. По крайней мере, делала вид.

В ответ Адель только пожал плечами.

– У вас… было уже? – решился Костя.

Он никогда не задавал этого вопроса. Наверное, боялся услышать положительный ответ, подкрепленный детальным рассказом. Но Адель вдруг помрачнел, покраснел – сейчас Костя был в этом уверен, губы его искривились, словно он хотел сказать что-то, но не смог. А потом расхохотался злым смехом и издевательски процедил:

– Хорош, Костарь! В твоих умных книжках разве не пишут, что невежливо задавать взрослым такие вопросы?

Костя задохнулся от обиды. Адель все равно что назвал его «ботаном», да еще и выставил малолеткой, сующим нос в чужие дела!

«Никуда я с ними не пойду! – промелькнуло в голове. – Вообще больше близко не подойду к этому уроду!»

Он вскочил с лавки и хотел сказать что-то веское, чтобы сразу поставить Аделя на место. На ум ничего подходящего не приходило, да это и не потребовалось, потому что друг тоже встал рядом и тронул его за плечо.

– Костарь, я скотина. Честно, не знаю, зачем я это сказал. Извини. – И улыбнулся обезоруживающей, слегка сконфуженной улыбкой.

Злость на Аделя мигом прошла.

– Ладно, – буркнул он и снова сел на скамейку. Опасную тему решил больше не затрагивать. Захочет – сам скажет.

Адель одним легким движением смял банку из-под энергетика и метким броском отправил ее в урну. Костя ощутил укол зависти – знакомое с детства ощущение, смешанное с восхищением.

Ловкость, изящество, грация были у Аделя врожденными. Любая одежда на нем казалась модной, и даже волосы, которые он с зимы стал осветлять, всегда, в любую погоду, лежали так, будто он пять минут назад вымыл их и уложил. Все у него получалось само собой: не нужно было часами тренироваться, чтобы, непринужденно дернув плечом, сбрасывать куртку, или заплывать дальше всех, или забивать мяч в ворота.

Костя же был сутуловатым, длинным и худым, как полвесла. Знал, что может жизнь положить, работая над собой, но все равно будет спотыкаться на ровном месте, задевать и ронять хрупкие предметы и выглядеть так, будто только что встал с постели и не успел привести себя в порядок. Хорошо, хоть прыщи с физиономии сошли. У Аделя, понятное дело, их и не было.

«Конечно, Марго выбрала его», – пришла мысль. Костя тут же затолкал ее подальше, на задворки сознания.

– А вот и я!

Марго подошла неслышно, со спины, и он вздрогнул, услышав ее голос.

Они с Аделем обернулись, и что бы Костя ни говорил себе, в чем бы ни пытался себя убедить, но в эту минуту отчетливо понял, что ему мучительно, до зубной боли хочется оказаться на месте Аделя – быть самым крутым, спортивным и красивым парнем в классе. Чтобы Марго смотрела на него так, как сейчас глядит на Аделя.

Девушка улыбалась горделивой, торжествующей улыбкой, сознавая, что хороша как никогда. Адель велел им одеться попроще: не в театр собрались, запросто можно испачкаться или порвать одежду. Но Марго, как истинная королева, была бы прекрасна в чем угодно, хоть мешок на нее надень, хоть телогрейку.

Вытертые синие джинсы и кофточка василькового цвета подчеркивали каждый изгиб ладной фигуры. Рыжее закатное солнце золотило каштановые волосы – казалось, в них вспыхивают и тают искорки. Хотелось обнять Марго, прижать к груди и не отпускать, и желание это было таким мощным, что Костя опешил. Пытаясь скрыть неловкость, он поспешно отвел глаза и поднялся на ноги:

– Мы идем или нет? – Голос его охрип, в нем звучало отчаяние, которое можно было принять за нетерпение. Адель удивился: знал, что Костя не особенно приветствует походы по заброшенным домам, но ничего не сказал.

Троица вышла со школьного двора, направляясь в сторону станции метро: Марго – в середине, Костя и Адель по бокам, словно телохранители. Оказаться в усадьбе Валахова они должны с наступлением сумерек. Адель сказал, им придется пробыть там час или два: этого времени хватит, чтобы осмотреться и снять видео.

– К одиннадцати уже будете дома дрыхнуть, – со смешком сказал Адель.

Марго улыбнулась, а Костя не смог. От мысли, что темнота застанет их в Тихом доме, стало не по себе. По спине побежали мурашки, он изо всех сил старался подавить страх, но вышло плохо.

Дана

Окончив разговор, она выключила телефон и бросила его в бардачок, больше не отвлекаясь от дороги. Поначалу не хотела брать трубку, но потом сообразила, что Артем не успокоится, и сочла за благо ответить.

«Поверил или нет?» – подумала она, но отмахнулась от этой мысли. Какое это имеет значение? Если Артем и вздумает приехать к ней домой, что с того? Позвонит, постучит и уберется восвояси. Русским языком было сказано, что она выпьет лекарство и ляжет спать.

В последнее время Дана все чаще спрашивала себя, зачем ей понадобилось связываться с Артемом, да вдобавок обещать, что выйдет за него замуж. В том, что они сошлись, был виноват случай. Точнее, злой рок, и она не заблуждалась на этот счет, не пыталась убедить ни Артема, ни себя, что любит его.

Дана подавила горький вздох – что толку в сотый раз бередить рану? Но избавиться от воспоминаний не получилось, и в памяти возникло бесконечно любимое лицо.

Впервые Дана увидела Вадима, когда им было тринадцать. Он вошел в класс и, стоя в дверях, обвел новых однокашников взглядом. Не робко, как подобает новичку, а по-хозяйски уверенно, и с той самой минуты навсегда воцарился в ее сердце.

Они дружили втроем: Дана, Вадим и Артем. Но она всегда знала, что рано или поздно они с Вадимом будут не только друзьями, и позже он признался ей, что тоже был в этом уверен.

– Нам нельзя друг без друга, – сказал он однажды. – Мы навсегда вместе, веришь?

Дана верила: у них была идеальная совместимость – физическая, духовная, эмоциональная. Подобное возможно лишь раз в жизни. Да и то не в жизни каждого.

Знала Дана и про то, что Артем тоже влюблен в нее. Умненький пухлый мальчик ходил за ней по пятам с начальной школы, но шансов завоевать ее любовь у него быть не могло. Они оба были уверены в этом, а вот поди ж ты…

Когда Дана и Вадим стали встречаться, Артем безропотно отошел в сторону, оставаясь другом и ему, и ей. Иногда, когда давала себе труд думать об этом, она спрашивала себя: как же он может? Но, с другой стороны, Вадим был его лучшим другом, Дана – недосягаемой звездой, так что он вполне мог общаться с ними, возведя каждого на отдельный пьедестал.

После школы Дана стала искусствоведом, Вадим – геологом. Артем подался в финансисты. Этот парень запросто мог всю жизнь просидеть сиднем в кабинете, сводя отчеты, занимаясь продажами, методично карабкаясь по карьерной лестнице. Вадиму же было тесно в скучном офисе, его манили простор и небо.

…Заманили и сбросили…

Дана сжала пальцы в кулаки с такой силой, что суставы хрустнули, а ногти вонзились в кожу. Невозможно, невыносимо. Высота скалы, с которой упал Вадим, не оставила ему возможности спастись.

Она знала, что он думал о ней, летя навстречу смерти. Всей душой рвался к Дане, но, обладая жаждой полета и сердцем орла, не имел крыльев, так что не смог подняться. И просил прощения, что оставил ее одну.

Оставил, а ведь говорил, что им нельзя друг без друга.

Наверное, поэтому Дана и сошлась с Артемом. Во-первых, он был близким другом Вадима, так что Вадим в каком-то смысле принадлежал им обоим. А во-вторых, пришлась кстати приземленность Артема: он не знал неба, взлеты были ему неведомы, но это означало, что и упасть он не мог, не мог оставить ее одну.

В тот момент, два года назад, это казалось единственным выходом. Ни с кем больше Дана быть не смогла бы. Некоторое время постоянные разговоры о Вадиме служили ей пусть малым, но утешением. Она проявила слабость, сдалась. Решила, что Вадима не вернуть, а Артем, который был рядом, сколько она себя помнила, станет хорошим мужем.

Теперь это казалось глупостью, несуразицей. Сидя в своем автомобильчике и готовясь пойти в Тихий дом, Дана призналась себе, насколько тяготят ее отношения с Артемом. Все в нем раздражало: негромкий бархатистый голос, светлый ежик волос на круглой, как апельсин, голове, близорукость и нездоровая полнота.

Дана взглянула на наручные часы. Девятнадцать двадцать. Пора идти, чтобы часам к восьми, как стемнеет, быть на месте. Никто не должен видеть, что она заходит внутрь. Свидетели ни к чему: за незаконное проникновение можно запросто попасть в полицию, и тогда пиши пропало. Все планы псу под хвост.

Она подхватила с соседнего сиденья кожаный рюкзачок и выбралась из машины. Захлопнула дверцу красной Kia Picanto и с удовольствием оглядела автомобиль. Ей казалось, они с машиной похожи: маленькие, хрупкие на вид, но сильные, энергичные, яркие.

Дана ласково похлопала ладонью по крылу автомобиля и включила сигнализацию. Машина ободряюще подмигнула фарами: «Не волнуйся, все будет тип-топ!»

– Обязательно, – прошептала Дана и зашагала прочь.

День клонился к закату, однако зной и не думал рассеиваться. После искусственной прохлады салона жара казалась особенно раздражающей. Тонкая футболка и льняные брючки быстро прилипли к телу.

Девушка подняла голову к небу: ясное, как чело младенца, ни малейшей тучки. Но к ночи, конечно, польет – духота была влажной. Кажется, воздух можно выжать, словно мокрое белье.

На круглосуточной бесплатной стоянке возле супермаркета, где Дана решила оставить машину, было полно народу. Одни спешили к зданию торгового центра, другие, катя перед собой нагруженные тележки, направлялись к своим автомобилям. Дана лавировала между ними и вскоре оказалась за пределами паркинга.

Дорогу она знала отлично, так что почти не обращала внимания, куда идет, снова погрузившись в размышления. На этот раз не о Вадиме.

Тихий дом, как его называли казанцы. Это место было средоточием ее мыслей уже больше года. Не само строение, конечно, а то, что она надеялась там найти.

Окончив университет, Дана осталась на кафедре, писала кандидатскую диссертацию о творчестве малоизвестных казанских художников, творивших на рубеже девятнадцатого – двадцатого веков. То есть поначалу писала о нескольких, но потом сосредоточилась на одном – на Николае Валахове.

Правда, теперь научный руководитель не понимал ее одержимости, а также того, что Дана слишком мало времени стала уделять написанию работы и чересчур много – общественной деятельности. Замечания его Дана игнорировала. Делала вид, что слушает, кивала, улыбалась, но поступала по-своему. Она точно знала, чего хочет: изменить свою жизнь. Вернее, вернуть ее себе, начать жить в унисон своим желаниям, а не по инерции.

Если все получится, так и будет. Дана ускорила шаг. Ей не терпелось поскорее оказаться в Тихом доме и взяться за поиски.

Тамара Сергеевна

За десять минут до окончания серии снова началась реклама, и Тамара Сергеевна досадливо поморщилась. Рекламный блок вставляли каждые десять минут, если не чаще.

Вообще-то она не любила сериалы: жалко тратить время, которого и без того осталось мало, на эту жвачку. Но как-то нажала на кнопку, по дурости посмотрела серию – и, пожалуйста, втянулась. Вроде и надоело, и сюжет избитый, а все-таки любопытно, чем закончится история про деревенскую девушку, приехавшую покорять столицу.

Тамара Сергеевна покрутила головой, потерла затекшую шею. Тело казалось деревянным: надо бы делать гимнастику по утрам, только лень. Да и к чему? Здоровее вряд ли станешь, в шестьдесят-то шесть лет.

Телевизор стоял на древнем комоде, зажатом с двух сторон книжными шкафами. Журнальный столик, скрипучий диван, кресло – все потертое, старое и, несмотря на попытки поддерживать порядок, какое-то неопрятное. Пенсия – возраст дожития. Не важно, где она прочла или услышала эту фразу, важно, что слова эти ножом полоснули по сердцу. Теперь у нее есть только прошлое, а будущего – нет.

Герои и героини, наконец, вернулись на экран, но тут в прихожей нетерпеливо задребезжал телефонный звонок.

«Неужели из Саратова?» – подумала Тамара Сергеевна.

Там жила двоюродная сестра, единственная родственница. Обе были одинокими – ни детей, ни мужей, и Зоя часто предлагала съехаться. Тамара Сергеевна отнекивалась: не хватало еще ежедневно выслушивать бесконечные жалобы сестры на судьбу и людей, избитые суждения о ценах и погоде.

Она и Зоя всегда были разными, и преклонный возраст не мог исправить этого факта. Сестра обижалась на отказ, но потом звонила как ни в чем не бывало и вновь заводила старую песню.

«Господи, лишь бы уж ничего не случилось!» – перекрестилась Тамара Сергеевна, вставая с кресла. Рано или поздно случиться должно было, либо с ней самой, либо с Зоей, но думать об этом не хотелось.

Квартира была крохотная – комната, тесная кухонька и такая же, не повернуться, прихожая. Тамара Сергеевна нашарила выключатель на стене, сняла трубку с допотопного телефонного аппарата.

– Слушаю, – настороженно проговорила она.

Однако ей не ответили – трубку на том конце провода положили. Что делать? Перезвонить Зое? А если просто номером ошиблись и она понапрасну разбудит сестру? Не избежать тогда потока излияний на тему «лучше жить вместе».

Нечего голову забивать: кому надо – перезвонит! Приняв это мудрое решение, Тамара Сергеевна подняла руку, чтобы погасить свет в прихожей, но так и не донесла ее до выключателя, глядя на собственное отражение. Она смотрела на себя каждый день, но тут словно увидела впервые за долгое время.

Седые волосы коротко острижены: практичная прическа, которую можно обновлять раз в два месяца. Морщины глубокие, как канавы, лицо сухое и угловатое, но глаза яркие, без стариковской тусклости. К щеке, словно нарост к стволу дерева, прилепилась крупная коричневая родинка овальной формы, похожая на жука.

«Я совсем старуха!» – подумала Тамара Сергеевна, будто это было нечто неожиданное и состариться ей пришлось за несколько часов. Выражение лица показалось загнанным, жалким, как и вся ее квартира.

Погасив свет, она вернулась в комнату, но по экрану уже ползли титры.

«Что ж, выпью чаю с вареньем, для поднятия духа, – и на боковую».

Чайник уже громко ворчал, закипая, и Тамара Сергеевна подошла к плите, собираясь отключить газ. По привычке бросила взгляд в окно. Там было темно, если не считать скудного света, что разливали вокруг уличные фонари и окна соседних домов, которые с двух сторон подступали к блочной пятиэтажке, где она жила.

Впереди раскинулся парк, который сейчас казался огромной черной кляксой. Неизвестно по какой причине, но на его территории фонарей не было. Где-то там, как паук в центре паутины, притаился, поджидая добычу, Тихий дом. Так его называли все, но Тамара Сергеевна знала, насколько мало соответствует истине это название. Тот дом никогда не был тихим, безобидным. Он был опасен, как тарантул. Как человек, который владел им когда-то.

Оказываясь возле кухонного окна, она всякий раз смотрела в ту сторону. Ей часто казалось, что вся ее жизнь, так или иначе, была связана с усадьбой Валахова. Тридцать восемь лет проработала она в больнице, которая располагалась в Тихом доме. Потом вышла на пенсию, клиника переехала, а дом заколотили, не зная, как с ним поступить, но Тамара Сергеевна все равно не могла отделаться от ощущения, что рано или поздно ей придется туда вернуться.

Однако долгое время все было спокойно. Опустевший, ставший ненужным Тихий дом, обнесенный высоченным забором, неприступный и наглухо запертый, торчал в центре парка, как гнойник, однако ничьего интереса не вызывал. Даже бомжи и мальчишки из окрестных домов туда не лазили: не проберешься, да и слава у этого места дурная.

Здание потихоньку ветшало, пока не появился бизнесмен, пожелавший выкупить его. Пошли разговоры, будто Тихий дом скоро снесут, а на его месте построят гостиницу. Или еще что-то – Тамаре Сергеевне не было до этого дела. Главное, дом будет стерт с лица земли.

А потом объявилась Дана Казинская и начала мутить воду. Собирала пресс-конференции, писала протестные статьи в местные газеты, выступала на радио, однажды даже пикет организовала.

Тамара Сергеевна видела Казинскую и в новостях по телевизору, и возле Тихого дома во время пикета. Невысокая субтильная блондинка была преисполнена

решимости спасти старое здание.

История тянулась довольно долго, пока, как раз сегодня, по радио не объявили, что судьба Тихого дома решена окончательно. Культурно-исторической, архитектурной или еще какой-либо ценностью его не признали. Посему владелец был волен делать с приобретенным в строгом соответствии с законом объектом все, что его душе угодно.

У Тамары Сергеевны отлегло от сердца. Отличная новость! При мысли о том, что усадьба Валахова исчезнет, она ощущала себя освобожденной. И надеялась, что прекратятся жуткие сны, которые периодически мучили ее.

Бросив мимолетный взгляд на место, где, укутанный тьмой, стоял Тихий дом, она совершенно не ожидала увидеть того, что увидела. Чайник дребезжал и плевался кипятком, и она машинально выключила конфорку. Отодвинула тюлевую занавеску, приблизилась к стеклу.

«Может, померещилось? Или это не в доме, а на одной из аллей?»

Тамара Сергеевна развернулась и с неожиданной резвостью поспешила в комнату. Выдвинула ящик комода, достала армейский бинокль, доставшийся от отца, и вернулась на свой наблюдательный пост.

Прижала бинокль к глазам, пригляделась. С высоты пятого этажа парк просматривался отлично. Сейчас было слишком темно, но за долгие годы Тамара Сергеевна изучила каждую тропинку, знала местонахождение каждого деревца. Поэтому сейчас, всматриваясь в пляшущий узкий луч, точно знала: в Тихом доме кто-то есть!

«А если это опять оно?»

В желудке похолодело от ужаса.

«Прекрати! Этот свет другой – живой. По дому бродит человек!»

Неужели ребятишки умудрились туда пробраться? Или неугомонная Дана Казинская что-то затевает?

Луч погас. А если все-таки почудилось? Может, не было ничего – лишь отблеск какой-то?

Трель телефонного звонка заставила ее подпрыгнуть на месте. Тамара Сергеевна бросилась в прихожую и рванула трубку с рычага.

– Похоронное бюро, я правильно попала? – спросил недовольный женский голос. – Звоню, звоню, никто не подходит. У вас разве не круглосуточно? Люди в любое время умирают.

Тамара Сергеевна, с трудом переводя дыхание, нажала на кнопку отбоя. Не нашла сил ответить.

«Люди в любое время умирают».

Слова показались многозначительными, зловещими.

Полицию, что ли, вызвать? Можно, но что сказать? Что вроде бы видела луч света в окне дома, предназначенного под снос? Скорее всего, от звонка полоумной старухи отмахнутся, а если и нет, когда еще приедут! Торопиться не станут.

Но оставить как есть тоже нельзя. Вдруг там дети? Нужно сходить, найти непрошеных визитеров и заставить их уйти. Хотя бы попытаться.

Позабыв погасить всюду свет, зато прихватив зонтик, Тамара Сергеевна вышла из квартиры. Лишь выйдя из подъезда, обнаружила, что не сменила домашние тапочки на уличные туфли, но решила не возвращаться.

Пожилая женщина быстро пересекла улицу и вошла в безлюдный парк. Темнота мягко обхватила ее за плечи, увлекая за собой. Пустые скамейки казались осиротевшими, и только поднявшийся к ночи прохладный ветер, единственный обитатель парка, насвистывал монотонную заунывную песню.

Небо осветила слепящей вспышкой зарница, через мгновение вдалеке заворчал гром. Гроза вот-вот начнется. Температура была, наверное, не выше пятнадцати градусов, и она поежилась в своей тонкой хлопчатобумажной рубашке с

короткими рукавами.

С того места, где находилась Тамара Сергеевна, усадьбы Валахова не было видно. Но ей все равно казалось, что Тихий дом уставился прямо на нее всеми своими окнами, похожими на тусклые, остекленевшие глаза мертвеца. Ее пробрала дрожь, не имевшая никакого отношения к вечерней прохладе и надвигающемуся дождю, но она не замедлила шага.

Часть вторая

Я иду искать!

Дана

В старый парк на высоком холме, где располагалась усадьба Валахова, можно было попасть с двух противоположных сторон. Над центральным входом, которым чаще всего и пользовались горожане, располагалась каменная арка. Оттуда открывался красивый вид на примыкающие к холму улицы. Эта часть парка была облагорожена: вдоль аллей стояли удобные лавочки, замерли в живописных позах скульптуры, возносили прозрачные струи к небу небольшие фонтанчики, имелись детские горки с качелями. Тут любили играть дети, назначали свидания влюбленные, неспешно прогуливались пенсионеры и приходили поваляться на травке студенты.

Дана предпочитала заходить в парк с другой стороны. Дорожки тут были не заасфальтированные и узкие, газоны заросли травой, никаких скульптур и развлечений для малышей, а кусты и деревья образовывали густые тенистые заросли. К Тихому дому отсюда можно было попасть никем не замеченной. Но все же она решила подстраховаться и пробраться на территорию усадьбы, когда стемнеет.

Она медленно шла по аллее к одной из пустых скамеек. Небо наконец-то нахмурилось, поднялся ветерок – пока легкий, освежающий, но грозивший вскоре стать пронизывающим, холодным. Приближающееся ненастье отпугнуло посетителей: не было слышно детских голосов, смеха, разговоров, собачьего

лая. Даже городского шума – автомобильных гудков, музыки, шороха шин – не доносилось.

А в доме, наверное, и вовсе полная тишина. «На то он и Тихий», – вскользь подумала Дана, усаживаясь на потемневшую от времени щербатую скамью и доставая из рюкзачка сигареты. Курила она мало, не больше двух сигарет в день, и могла бы бросить совсем, но не хотела отказываться от этой привычки. В ее жизни и так не много удовольствий.

Дана считала себя едва ли не аскетом: мало ела – только для поддержания сил, не чревоугодничая; была равнодушна к алкоголю, не любила бегать по магазинам, скупая шмотки и разные побрякушки, как другие женщины. А с недавних пор у нее и вовсе осталось одно главное устремление.

Картина.

Беда в том, что Дана понятия не имела, где ее искать, к тому же на поиски осталась всего одна ночь. За свою многолетнюю историю здание было перерыто сверху донизу, но тайник всякий раз ускользал от внимания. А ей должен был открыться: Дана верила в свою удачу. Надеялась, что внутреннее чутье или интуиция подскажут ей, где спрятан портрет.

Прежде девушка была в усадьбе всего пару раз, и то недолго, но по описаниям и снимкам знала расположение комнат и коридоров так, как будто ей довелось там жить.

Она ужасно жалела, что стала изучать творчество Валахова слишком поздно, только когда у дома появился новый владелец. Будь усадьба по-прежнему в собственности у города, она нашла бы способ беспрепятственно бывать там. Теперь же, когда дом стал частным владением, вторжение без спросу могло обернуться серьезными проблемами. Видит бог, Дана надеялась выиграть эту битву, добиться признания исторической ценности Тихого дома. Тогда она получила бы возможность находиться там и спокойно вести поиски под благовидным предлогом.

Теперь это уже невозможно. Хозяин собирался в ближайшее время снести дом, что означало катастрофу, крах всех надежд.

Погрузившись в свои мысли, девушка не заметила, как к лавочке, на которой она сидела, приблизился человек. Только когда он покашлял, привлекая ее внимание, Дана вскинула голову.

– Что ты здесь делаешь? – сердито спросила она.

– Могу спросить тебя о том же, – ответил Артем.

– Нет, не можешь, – вспыхнула Дана. – Я ведь ясно сказала…

– Ты сказала, что расстроилась, хочешь принять таблетку и лечь спать. Где, на парковой скамейке? – Он покачал головой и, не дожидаясь приглашения, сел рядом. – Ты меня обманула. Я хочу знать зачем.

У Даны с языка готовы были сорваться злые слова, но она вовремя сдержалась. Насколько она знала Артема, он не отстанет. Спровадить его резкой отповедью не получится, он все равно увяжется за ней и может помешать. Поэтому девушка глубоко вздохнула и посмотрела на Артема.

– Хорошо, Тёма. Да, я соврала. Мне просто нужно было побыть одной. И не хотелось тебя волновать. Я собираюсь кое-что предпринять.

Он придвинулся ближе, коснувшись ее бедром, обнял за плечи. Его прикосновение было ей неприятно, но она не стала отодвигаться, рассудив, что накалять обстановку ни к чему.

– Даночка, мы родные люди. Почти муж и жена, – проникновенно произнес Артем. – Ты знаешь, как я тебя люблю. Не отталкивай меня, я хочу помочь. – Он помолчал. – Я сразу понял, что ты пойдешь сюда. Собираешься забраться в Тихий дом?

Она неохотно кивнула. Сумерки постепенно сгущались. Темно-синие тени поползли по дорожкам, залегли под деревьями, напоминая лужи, наполненные темной водой. Усилившийся ветер гнал по аллее фантик от мороженого.

– Что ты там забыла? Ты понимаешь, что это незаконно? Как ты собираешься туда попасть – двери будешь выламывать?

– Сколько вопросов, – усмехнулась Дана. – Да, незаконно. Но кто об этом узнает? Здесь никого, кроме нас. – Она развела руки в стороны. – Ты, что ли, полицию вызовешь?

– Не говори ерунды!

– Сигнализации там нет. Зато у меня есть ключи от ворот и от входной двери.

– Где ты их взяла? – Артем закинул ногу на ногу, при этом чуть отодвинувшись от Даны, что ее вполне устроило.

– Мне дали. По знакомству, – туманно ответила девушка, умолчав о том, что сделала копии ключей, договорившись с человеком, которого новый владелец Тихого дома назначил кем-то вроде завхоза, а после уволил за пьянку. Обошлось ей это в пять тысяч рублей.

– Хорошо, внутрь мы попадем, дальше что?

– «Мы»? – опешила Дана.

– Само собой. Ты же не думаешь, что я отпущу тебя туда одну?

Дана лихорадочно обдумывала ответ. Мозг ее работал как часы. Попросить Артема посидеть на скамейке и подождать – бесполезно. Он ни за что не согласится, да и потом, она, наверное, пробудет внутри несколько часов. По доброй воле он не уйдет. Если она поссорится с ним и прогонит, он может разозлиться и… И что сделает? Кто его знает, но испытывать судьбу не стоит.

– Ладно, – решилась она. – Мы пойдем вместе.

Артем с облегчением вздохнул и улыбнулся.

– Извини меня за настойчивость, – он протянул руку и погладил ее по щеке. – Знаю, ты сильная, независимая и все такое. Но я твой будущий муж, так что должен быть всегда рядом, защищать тебя. Кто, если не я?

Дана выдавила улыбку.

– Так что мы собираемся делать в Тихом доме?

Она уже знала, что ему скажет. По крайней мере, это будет доступно его пониманию.

– Мне нужно найти одну картину. Я знаю, что она может быть только в усадьбе. Изучила все источники и пришла к выводу, что Валахов мог спрятать ее только там.

– Погоди, погоди… Но ведь известно, что до наших дней не дошла ни одна из его картин! – удивился Артем. – Несколько репродукций в книгах – и все!

– Вот в этом-то и суть! – воскликнула Дана. – Считается, что после революции те из его полотен, которые находились в усадьбе, были уничтожены. В картинные галереи и музеи они никогда не передавались. Что же касается частных коллекций, куда ушло написанное на заказ, то и тут ничего не осталось. Поддавшись суевериям, хозяева избавлялись от портретов, написанных Валаховым. Представляешь, какое это будет громкое открытие, если я все-таки сумею найти хотя бы один из них!

Артем помолчал, видимо, подбирая слова, а потом осторожно проговорил:

– Даночка, я, конечно, ничего не понимаю в живописи, но… Ты лучше меня знаешь, что вклад Валахова в мировое изобразительное искусство, мягко говоря, спорный.

– Прекрати! – отмахнулась она. – Вот именно, что ты ничего не понимаешь. Да, широкой популярности Валахов не обрел, его манеру и технику многие называют спорной. Плюс самоубийство художника, да еще эти разговоры про проклятие его картин. Мистическая чушь – это каждому здравомыслящему человеку понятно! – Распалившись, Дана сбросила его руку со своего плеча. – Все это сослужило дурную службу. Но я уверена, что деление творцов на художников первого и второго ряда – не более чем условность. Сейчас Валахов считается одним из многих, художником средней руки, да к тому же с утерянным наследием. Но я покажу миру гениальную работу Николая Федоровича, и ошибочное мнение будет изменено! Валахов встанет в один ряд с признанными мастерами. Между прочим, известный искусствовед того времени Федор

Ласточкин отмечает художественную манеру Валахова, которая «останавливает взгляд и не может не восхищать». Я докажу всем, что его творчество, его авторский почерк следует тщательно изучать и что я была права, когда требовала признать Тихий дом объектом, подлежащим охране!

Артем взъерошил короткие волосы – жест, выдававший замешательство. Его обескуражила ее горячность. Должно быть, он не догадывался, насколько это важно для нее: она ведь прежде не спешила делиться с ним своими честолюбивыми мыслями.

– Ладно, я понял, тебе виднее. Ты специалист, – примирительно проговорил он. – А что за картина? Портрет какой-то женщины?

Ему показалось, что Дана слегка смутилась, когда он спросил.

– Нет, это автопортрет. Незадолго до смерти художник изобразил сам себя. – Она посмотрела на часы, хлопнула себя ладонями по коленям и встала, подхватив рюкзак. – Думаю, нам стоит поторопиться. Темно уже.

Солнце зашло, и в парке стремительно темнело. Занятые разговором, они этого не заметили.

Не оборачиваясь, девушка пошла в сторону Тихого дома. Обутая в кроссовки, она ступала почти беззвучно, но в окружающей их плотной тишине каждый шаг казался оглушительно громким, звуки усиливались тяжелым, давящим безмолвием, и Артему внезапно захотелось попросить ее двигаться еще тише, чтобы никто не услышал.

«Да кто услышит?!» Он сам смутился нелепости своего порыва и догнал Дану, думая, что она возьмет его под руку. Однако она не стала этого делать.

– По-моему, сейчас ливень начнется, – робко сказал Артем, желая нарушить невыносимое молчание.

Дана не ответила, давая понять, что не в настроении поддерживать пустые разговоры, и он умолк, устыдившись банальности сказанного.

До Тихого дома они дошли, не перебросившись ни единым словом. Усадьба вывернулась им навстречу из-за следующего поворота. Большое двухэтажное здание, огороженное высоким забором из чугунного литья, выглядело едва ли не угрожающе, казалось неприступной крепостью.

Тихий дом охранял свою тайну, неприязненно взирая на непрошеных гостей. Некогда желтая краска, которой был выкрашен фасад, облупилась и облезла: тут и там проглядывали серые островки штукатурки, напоминающие трупные пятна. Острый шпиль на крыше пронзал воздух, большие пыльные окна были надежно забраны решетками. «И все же, думаю, мы поладим, – подумала Дана, – и ты отдашь то, что мне нужно!»

Они подошли к воротам, запертым на массивный висячий замок. Справа была калитка, тоже закрытая. Дана вытащила связку ключей, нашла нужный и вставила в скважину. Повернула, но замок не поддался. Она принялась судорожно дергать дверь, чувствуя нарастающее напряжение, но ничего не получалось.

– Дай-ка попробую, – предложил Артем, и она уступила.

Он повернул ключ, слегка надавил. Раздался негромкий щелчок. Калитка почти сразу, без малейшего скрипа, открылась, как будто петли регулярно смазывали, и Артем распахнул дверь перед девушкой, пропуская ее вперед.

Дана выдохнула. «Пожалуй, хорошо, что он за мной увязался, – подумала она. – Иногда без мужской сноровки не обойтись».

На просторный двор было больно смотреть: квадратные каменные плиты, которыми он был вымощен, заросли травой, так что их сложно было разглядеть. Всюду виднелись какие-то железки, коробки, кирпичи, кучи мусора и прошлогодней листвы, облетевшей с дубов, что росли по периметру участка.

Аккуратно обходя все это безобразие, чтобы не повредить ноги и не запачкаться, Дана и Артем подошли к парадной двери. Дана знала, что в доме имелась еще и задняя дверь, в прошлом предназначенная для прислуги, но она была наглухо заколочена досками.

Над крыльцом нависал козырек, тоже украшенный чугунным литьем в виде виноградных гроздьев. Когда-то, должно быть, это выглядело изящно и нарядно. Ключи были по-прежнему в руках Артема, и он, не дожидаясь просьбы со стороны Даны, отпер дверь.

Замок поддался легко, но старинная дверь была очень тяжелой, так что Артему пришлось навалиться на нее плечом, чтобы открыть. Наконец, они вступили в холл: Артем впереди, Дана – за ним, след в след.

– Осторожно! – шепотом предупредил он. – Не видно ничего, не споткнись.

– У меня фонарь есть, – спохватилась Дана, достала его и передала спутнику.

Желтый луч осветил просторное, гулкое помещение с пустыми стенами и высоченным, в два этажа, потолком. Наверх убегала широкая мраморная лестница с деревянными перилами, покрытая вытертой, заплесневелой ковровой дорожкой, чей первоначальный цвет уже невозможно было определить. Слева было огромное, от пола до потолка окно, за которым плескалась тьма. Начался обещанный ливень: капли дождя забарабанили по стеклу, сначала легонько, потом все громче и громче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/albina-nuri/tihiy-dom

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить